

Боги праздновали, и только Дисай, чьи руки были скрыты под широкими рукавами, едва заметно дрожал.

Пусике же сорвала лист с растения, стоявшего на столе. Лист внезапно озарился мягким зеленым светом, и спустя мгновение на её ладони оказалась крошечная девочка, размером не больше гальки.

Пусике улыбнулась и, повернувшись к Дисаю, произнесла:

— Дисай, теперь ты сам должен отнести её к порогу дома одного человека.

Тот, кого опустил в мир сам бог судьбы, обладает силой изменить ход самой судьбы.

Тинтия.

Эшли сидела в своем внутреннем дворике, сосредоточенно занимаясь вышивкой, как вдруг услышала стук в деревянную калитку.

Она отложила корзинку и посмотрела на вход. В душе всколыхнулось смешанное чувство — смутное ожидание, переплетенное с легким страхом.

Все верно, это должна быть новорожденная дочь.

Эшли встала, подошла к калитке и распахнула её. Перед ней стояла девочка.

Вид у ребенка был совершенно растерянный, но та, что секунду назад была размером с камешек, теперь выглядела лет на три-четыре. У неё были прекрасные рыжие волосы, напоминавшие маленькую принцессу из сказки о дочери моря.

Увидев Эшли, девочка улыбнулась, потянулась к ней, просясь на ручки, и нежным голосом произнесла:

— Мама!

— ...

Эшли в замешательстве захлопала глазами. Ей самой на вид было от силы двадцать один или двадцать два года, и вдруг — такой взрослый ребенок...

Девочка, заметив, что Эшли медлит, опустила ручки, и её радостное выражение лица сменилось разочарованием.

— Мама... Я не нравлюсь маме...

Эшли с досадой приложила руку ко лбу, затем наклонилась, подхватила девочку на руки и внесла её во двор.

Ей так хотелось сказать:

Милое дитя, дело не в том, что ты мне не нравишься, просто твоя настоящая мать — богиня изобилия и возрождения Пусике, и я не смею откликаться на это слово.

— Как тебя зовут?

Девочка почувствовала нежный аромат, исходящий от Эшли, и невольно прижалась к ней поближе.

— Мама, меня зовут Оммания!

Оммания... Омния...

Эшли слегка подняла взгляд, в её глазах мелькнуло раздумье.

Назваться именем, означающим все сущее? Похоже, эта новорожденная девочка вполне может стать следующей богиней всего живого.

Тогда всё встает на свои места.

Только божество способно выдержать столь мощную божественную любовь.

— Здравствуй, Оммания. Я Эшли. Можешь называть меня сестрой.

— Хорошо, мама Эшли.

— ...

Эшли вздохнула, глядя на малышку, но исправлять её больше не стала, решив оставить всё как есть.

Малышка, устроившись у неё на руках, играла с её волосами и то и дело задавала вопросы. Однако в её поведении не было ни детской непосредственности, ни наивности, присущей обычному ребенку.

Впрочем, боги рождаются иными, даже в юном возрасте они остаются богами. Вероятно, Оммания осознавала свое предназначение с самого рождения.

— Мама, почему твои волосы черные? А у меня — рыжие?

Детский голосок прозвучал совсем рядом. Эшли усадила Омманию на диван, а сама придвинула стул и села напротив, терпеливо отвечая:

— Потому что у тебя такой же цвет волос, как у богини Пусике.

— Мама Пусике?

Похоже, Оммания обладала выдающимся умом и действительно знала о своей судьбе.

— Да. Она создала тебя своими руками, поэтому цвет волос у вас одинаковый.

— А почему у мамы Эшли волосы не такие, как у богини? Разве тебя создала не мама Пусике?

Лицо Эшли слегка напряглось. Как это объяснить? Ведь она не может называть Пусике мамой. Но в одном девочка была права.

— С биологической точки зрения, меня создала не богиня Пусике. Эшли родила её собственная мама. Богиня Пусике создала только первых людей, а последующие поколения рождались естественным путем.

Оммания быстро всё поняла, и Эшли облегченно выдохнула.

Любознательность детей безгранична, даже если это божественные дети.

Однако Эшли беспокоил один вопрос: неужели ей придется растить Омманию до совершеннолетия? К тому времени она сама уже постареет, и бог света вряд ли обратит на неё внимание.

Выходит, её роль — лишь временная приемная мать?

Бах!

В тот момент, когда Эшли и Оммания молча смотрели друг на друга, в доме что-то упало.

Эшли поспешно поднялась и пошла на звук. Оказалось, что напольные часы в прихожей, украшенные изображением бога света, вышли из строя.

Маятник застрял и двигался с большим трудом, словно натываясь на препятствие.

Эшли с недоумением заглянула внутрь и в отверстие, из которого выходил маятник,

обнаружила крошечную записку.

Она развернула её и прочитала послание, ниспосланное Цзикаде:

— Вырасти её и следуй за светом.

А то, что это был именно Цзикаде, подтверждала маленькая розовая сердечка в конце — фирменный знак бога любви.

Эшли поняла смысл подсказки: ей поручено воспитать Омманию и привить ей веру в бога света Эфэйтэ.

Это было несложно.

Вот только... Эшли не ожидала, что это превратится в затяжную борьбу, ведь она думала, что всё решится быстро.

Хотя, по правде говоря, всё действительно должно пройти быстро, ведь Оммания — не обычный человек.

Раз уж ей предстоит растить ребенка... Эшли хитро прищурилась, подошла к гостинной и взяла Омманию на руки.

— Раз уж ты здесь впервые, мама должна показать тебе окрестности.

Оммания, прильнув к Эшли, намотала её длинные волосы на свои пухлые пальчики.

— Хорошо...

Эшли, неся Омманию на руках, вышла со двора и направилась прямо к храму, расположенному в центре материка Тинтия.

По пути она встретила знакомых, которые были крайне удивлены, увидев у Эшли на руках ребенка, которого они никогда раньше не встречали.

— О, моя дорогая Ли, откуда этот прелестный малыш?

Эшли улыбнулась пожилой госпоже Мэри:

— Это ребенок, которого я взяла на воспитание. Её зовут Оммания.

— О, боже мой, Оммания! Какое прекрасное имя! — воскликнула госпожа Мэри, услышав это.

В их представлении только божества могли носить подобные имена.

Появление младенца с таким именем, которого обычные люди старались избегать, заставило их задуматься о скрытых за этим возможностях.

<http://bllate.org/book/18502/1777520>